

УДК 316.344(476)

В.Э. Смирнов

канд. социол. наук, ст. научный сотрудник
Института социологии НАН Беларуси
e-mail: smirnoffv67@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Осуществлен критический анализ индивидуалистического подхода к изучению социальной структуры общества на примере теории российского социолога Н.Е. Тихоновой, посвященной анализу социально-классовой структуры российского общества. Обосновывается, что сведение классообразующих признаков к обладанию разнообразными ресурсами, преимущественно квалификационными, личностными и социальными, означает перенос ответственности за социальное положение индивида на него самого. Поэтому любое социальное неравенство (материальное, статусное, властное и др.) есть следствие лености или консервативности основной массы населения, отсутствия у них инновационного мышления, предприимчивости и открытости новому. Предлагается авторский подход к методологии изучения социально-классовой структуры общества.

В настоящее время в социологической науке общепринятыми являются три подхода к изучению социальной структуры общества: марксистский, структурно-функциональный и стратификационный. Однако отечественная социология, решительно порвав в годы реформ с материалистическим пониманием истории и социальных процессов, постепенно стала склоняться к методологическому индивидуализму – дискурсу, на наш взгляд, откровенно мало эвристичному и ограниченному.

В чем же заключается индивидуалистический подход к изучению социальной структуры? В качестве примера рассмотрим точку зрения на социально-классовую структуру российского общества российского социолога Н.Е. Тихоновой [1]. Как обычно, скрупулезно сделав что-то, что, по словам Тимофеева-Ресовского, «все равно сделают немцы», а именно, изучив историю вопроса, она посредством сложных манипуляций с цифрами – данными социологических исследований, пришла к поистине удивительному выводу, что никакой классовой структуры российское общество не имеет. Т.е. какие-то группы, конечно, есть, но они существуют так, в виде бессистемной «мозаики». И обусловлена, по мнению социолога, такая ситуация не чем иным, как издревле идущей российской социально-политической традицией. Впрочем, мы хотим поговорить не об этой социально-классовой «мозаике», а о самом подходе. Свой анализ Н.Е. Тихонова строит на том, что все граждане обладают определенными ресурсами, которых множество: экономический, квалификационный, личностный, физиологический, культурный и социальный. Обладание этими ресурсами и определяет, в какой класс или группу следует отнести того или иного гражданина.

Индивидуализм данного подхода состоит в том, что за основу берется некий сферический (абстрактный) индивид в вакууме, который обладает всеми этими ресурсами. Из таких сферических индивидов, по мнению Н.Е. Тихоновой, и состоит российское общество. Эти индивиды, родившись и получив ресурсы, тут же устремляются наверх, расталкивая локтями конкурентов, и оседают на том месте, до которого дотянутся. Именно наличие этих ресурсов и определяет, в какой класс или группу отнести гражданина. Сами же ресурсы рассматриваются, если так можно выразиться, в «вещественном» смысле – как некое количество полезных ценностей, которые получил и носит с собой индивид. Какие-то ресурсы и в самом деле могут так рассматриваться, например, экономические (при наличии собственности и капиталов у родителей индивида,

естественно, он входит в жизнь, обладая этим ресурсом). Впрочем, даже и тут не все так однозначно, так как влияние и контроль над капиталами далеко не прямо соотносятся с денежными средствами и капитализированной собственностью, находящимися в непосредственном владении индивида. Однако не эти ресурсы являются главными в контексте меритократического идеала. А нужно иметь в виду, что именно на этом идеале построена вся система либеральных ценностей социального порядка.

Основным объектом внимания социологов индивидуалистического направления в толковании социальной структуры современного общества сделались такие ресурсы, как квалификационный и личный, выступающие определяющими факторами социально-классовой архитектуры современного общества, что, по сути, означает перенос ответственности за социальное положение индивида на него самого. В этом смысле любое социальное неравенство (материальное, статусное, властное и др.) есть следствие лености или консервативности основной массы населения, отсутствия у них инновационного мышления, предприимчивости и открытости новому. Н.Е. Тихонова пишет о необходимости для работы на более или менее высокооплачиваемых рабочих местах способности осваивать новые виды деятельности: умение работать на компьютере, навыки освоения новых программных продуктов и т.д.

Какой же вывод делает известный социолог на основе хитроумно закрученных подсчетов разных шкал ответов на такие же хитрые вопросы? Простой. По ее мнению, около 60% населения России не имеют квалификационного ресурса в том объеме, когда он начинает выступать в качестве актива. Учитывая методику расчета показателей этой шкалы, такие данные по работающему населению свидетельствуют об очень низком уровне квалификационного ресурса большинства населения страны. С личным еще хуже. В общем, это то, что раз за разом рассказывают либеральные пропагандисты: народ у нас не креативный, не желающий осваивать новые способы заработка и достижения успеха. Не хотят токари и фрезеровщики переходить и переучиваться на менеджеров по клинингу!

Так в чем же тут ошибка и причем тут индивидуализм? Дело в том, что не только социологические данные, но и исторически недавние события, например, связанные с эпохой советской индустриализации, показывают, что большинство населения страны, люди, веками жившие в своих селах и деревнях, не меняя своего образа жизни, враз поменяли и место жительства, и сферу деятельности, причем куда более решительно, чем это делает любой современный человек, изучая «новый программный продукт». Переход от крестьянской жизни и труда к городской индустриальной, освоение совершенно новых форм деятельности почти во всех сферах жизни (даже естественные потребности удовлетворять технологически приходилось иначе – совсем не так, как в деревне) – все это требовало реальной, а не виртуальной способности осваивать новое.

Так что же, за прошедшие годы способность к освоению нового так катастрофически упала? Неужели «проклятая советская власть» уничтожила генофонд нации?

Все дело в том, как понимать индивида. На самом деле нет никакого сферического индивида в вакууме, который сначала получает эти ресурсы, а потом соответствует или не соответствует рабочим местам (во всяком случае, в тех сферах, о которых мы говорим, а именно, квалификационной и личной; Впрочем, и социальной, но об этом позже). Дело в том, что подавляющее большинство рабочих мест вовсе не созданы для людей с выдающимися способностями. Они для людей средней образованности (и даже несколько ниже), средних способностей (и даже несколько ниже) и среднего ума (и даже несколько ниже). Поэтому 90% работоспособных граждан разных возрастов в состоянии усвоить все необходимое, чтобы успешно исполнять свои профессиональные обязанности на тех рабочих местах, которыми располагает «массовая» экономика.

Так в чем же дело, почему они не осваивают? Вот освоили бы все жители глубинки профессии дизайнеров и других мерчендайзеров с супервайзерами или всяких специалистов по логистике, например, – как бы мы зажили! Но нет. Нет в «замкадье» таких креативных личностей. Не рождаются они там или рождаются крайне редко. Не могут они осваивать новое. Только мы, креативные личности, на это способны. На самом деле понятно, что экономика постсоветских стран, которая за последние десятилетия решительно скукожилась, в состоянии предоставить только вполне ограниченное количество дизайнерских рабочих мест. Как, впрочем, и любых иных. Поэтому никакого смысла для трудящихся переучиваться на дизайнера нет. Более того, именно тот факт, что люди не идут никуда переучиваться, как раз и говорит о том, что такая деятельность не вознаграждается. Если бы вознаграждалась, если бы усилия по переучиванию, по изменению места жительства давали бы отдачу в виде относительно более высокооплачиваемых рабочих мест и более высокого социального статуса, мы бы наблюдали и массовую миграцию, и массовое освоение новых профессий – примерно так, как это было в эпоху индустриализации.

С социологической точки зрения ситуация выглядит так: не сначала некий индивидуум где-то получает квалификационный ресурс (пускай генетически), с помощью которого занимает определенную позицию в системе разделения труда со своим статусом, материальным вознаграждением и т.д., а, наоборот, сначала, занимает эту позицию, если такая позиция существует и доступна в конкретной ситуации общественного производства, а затем, осваивая профессию, поднимает и свой квалификационный ресурс.

Впрочем, ситуация не так однозначна, например, с высшим образованием. Очевидно, высшее образование получают как ресурс до занятия той или иной профессиональной позиции. Однако очевидно, что и ценность высшего образования зависит от того, предполагаются ли соответствующие рабочие места или нет. Впрочем, к образованию мы еще вернемся.

Указанная коллизия разрешается в контексте куда более принципиальной проблемы, которая связана с социальной мотивацией человеческой деятельности. Ведь вышеописанную ситуацию можно понять в крайне упрощенном виде, а именно совершенно бихевиористски представлять человеческую деятельность как движение индивидуума к прямой выгоде. Т.е. индивидуум делает только то, что вознаграждается. На самом деле в сложном человеческом обществе это попросту невозможно. Личный опыт слишком ограничен, чтобы на индивидуальном уровне понять, будет ли вознаграждение за те или иные действия или усилия пропадут втуне. Ведь практически всегда можно привести в пример историю индивидуального успеха или, наоборот, неудачи, но, насколько эти истории типичны и как велики шансы успеха или неудачи, подсчитать на быденном уровне при принятии решения в принципе невозможно. Описанный бихевиористский парадокс преодолевается за счет того, что между опытом и действием индивида находится сфера общественного идеального, где опыт аккумулируется и преобразуется во взаимосвязанную систему аксиологически окрашенных представлений. И уже в такой общественно организованной идеальной форме он возвращается к индивиду как основа для принятия им решений для своих индивидуальных действий.

Итак, рассмотрев то, как именно связан опыт (о вознаграждении) с действиями индивида, мы можем вернуться к вопросу о методологии, где в основу социально-классового деления кладется описанный набор ресурсов. Очевидно, что получение и наличие ресурса для занятия профессиональных и статусных позиций находится в диалектических отношениях с наличием самих позиций в социально-экономической системе, причем именно последнее первично. Некая мифическая лень, нежелание учиться новому и осваивать новые способы трудовой деятельности не позволяют совершенст-

вывать экономическую систему, а, наоборот, стагнирующая экономика ограничивает возможности для приобретения членами общества квалификационных ресурсов.

Если вернуться к современному образованию, то можно заметить один важный факт: подавляющее большинство людей, получивших высшее образование, не работают по специальности. Более того, они и не предполагали работать по специальности, когда получали образование. Таким образом, высшее образование в существенной части перестало быть компонентом того, что в рамках обсуждаемой методологии определяется как квалификационный ресурс. Зачем в таком случае его получают? Вероятно, дипломы вузов сделались в первую очередь элементом символического ресурса. Т.е. с точки зрения именно квалификации, необходимой для исполнения тех или иных профессиональных обязанностей, высшего образования зачастую совсем не требуется. Этот факт многое говорит о содержании популярных сегодня «креативных» профессий, ведь трудно предположить, что профессии инженера или преподавателя (даже токаря или фрезеровщика) могли бы с легкостью быть освоены «на месте» и не требовать профильного образования. Это напрямую связано с состоянием экономики, где, как сказано, квалифицированные трудовые ресурсы попросту не востребованы или востребованы в существенно меньшей степени, чем их может «производить» система образования, созданная для гораздо более сложной и развитой экономической системы – советской.

Вследствие этого те, кто все-таки занял высокооплачиваемые места всевозможных дизайнеров, специалистов по маркетингу или логистике, не имея никакой специальной подготовки (имею знакомого высокооплачиваемого дизайнера, который даже не умеет рисовать и вся подготовка которого свелась к разглядыванию западных журналов с картинками, рекламирующих мебель, где эта мебель красиво расставлена), находят для себя обоснование того, почему же им так «свезло» в жизни. Место труда после получения соответствующих знаний заняла неуловимая «креативность», которая, похоже, имеет «генетическую» природу.

До сих пор мы рассматривали квалификационный и в какой-то степени личный ресурсы. На первый взгляд, может показаться, что с социальным ресурсом, под которыми, если просто сказать, понимаются «связи», дела обстоят иначе. Однако при внимательном рассмотрении ситуация выглядит существенно сложнее. Само понимание социального ресурса как «полезных связей» уже говорит о перекосах и диспропорциях в обществе. Тут вот в чем проблема. С одной стороны, можно предположить, что поскольку доступ к высокооплачиваемым рабочим местам не обусловлен квалификацией, а объяснение его врожденной «креативностью» мы оставим пропагандистам – апологетам современного порядка, то на первый план в роли определяющего ресурса выходит ресурс социальный. Под социальным ресурсом в рамках описываемого подхода понимается включенность в сети социальных связей разного качества, поскольку их члены, в свою очередь, обладают различным по объему и структуре капиталом. Чем более «качественна» социальная сеть, в которую включен индивид, тем больше у него шансов на занятие высокооплачиваемой и высокостатусной профессиональной позиции. Так что предположить, что вышеописанные рабочие места занимают вследствие обладания социальным ресурсом, вполне разумно, что подтверждается результатами социологических опросов, в которых в массе своей респонденты как фактор жизненного успеха на первое место ставят связи, а вовсе не навыки и квалификацию.

Однако можно ли считать социальный ресурс чем-то стабильным, получаемым по наследству как капитал? Ведь человек, занимая все более высокостатусные профессиональные позиции, увеличивает свой социальный ресурс, ибо в существенной степени более высокий профессиональный статус прямо связан с усложнением связей, в которые по своим профессиональным обязанностям человек должен вступать. И, таким образом, социальный ресурс есть не только причина статусного роста, но и его следст-

вие. Определенный социальный ресурс является необходимым для выполнения профессиональных обязанностей и осваивается наряду с их усвоением. И тут уже нелепо говорить о социальном ресурсе «разного качества» в том смысле, в каком качество социального ресурса определяет социолог Н.Е. Тихонова. Тут, скорее, качество социального ресурса связано с профессиональной позицией, а не существует вне ее как некая наследуемая данность.

И в таком контексте социальный ресурс индивида, его важность с точки зрения его профессионально статусного роста приобретает несколько иное значение. Речь идет о том, что рост социального ресурса социума в целом как функция от увеличения сложности системы социальных связей в обществе прямо зависит от развития общественного производства и, если более конкретно, от экономической системы. Но верно и обратное. Рассмотрим, например, еще раз индустриализацию в СССР. Миллионы людей, недавних крестьян, чей социальный опыт замыкался в рамках соседской общины и чьи редкие поездки в город были чем-то сродни путешествиям в другой мир, решительно меняют свои социально-профессиональные статусы, причем именно их новая трудовая деятельность обуславливает рост их социального ресурса. Социальный ресурс в этом смысле куда адекватнее понимать не индивидуалистически (как ресурс, используемый в конкурентной борьбе за повышение своего статуса и накопления иных ресурсов), а как ресурс для выполнения своих профессиональных и социальных обязанностей, ресурс как часть профессиональной и новой социальной квалификации и компетенций, как часть навыков, приобретенных в процессе освоения новой профессии и нового, городского образа жизни.

Впрочем, как и в примерах с квалификационным ресурсом, мы видим диалектические связи между социальным ресурсом как ресурсом для конкуренции за социально-профессиональный статус и как ресурсом для выполнения своих обязанностей в его рамках. Другое дело, какой аспект положить в основу описания общества? К сожалению, современная постсоветская социология, анализируя описываемый ресурс, обращает на него внимание почти исключительно как на ресурс для социальной конкуренции, чем отражает реальное состояние общественного производства и общества. В первую очередь это связано с процессами деградации общественного производства на постсоветском пространстве, где следствием такой деградации становится упрощение социально-профессиональной структуры общества. Причем т.н. «новая экономика» в лучшем случае представляет собой анклав экономики других стран на нашей территории, и социальные связи, необходимые для осуществления трудовой деятельности в таких анклавах, замыкаются на экономику этих стран, а не на нашу экономику и, соответственно, социум. В худшем – социально-профессиональные позиции в рамках «новой экономики» являются всего лишь частью карго-культа, способом имитации западных экономик. Вследствие этого социальный ресурс и становится в первую очередь конкурентным преимуществом, существенно более важным для занятия должностей, чем умения и навыки. Причем этот ресурс получает новое качество по той причине, что в нем непропорционально раздувается тот его аспект, который связан именно с социальной конкуренцией особого типа. В этом отношении социальные связи оцениваются не с точки зрения выполнения профессиональных обязанностей, трудовой деятельности и даже социальной конкуренции на базе профессиональных успехов, а в зависимости от возможностей к статусному росту. Собственно, в своем определении социального ресурса Н.Е. Тихонова акцентирует внимание именно на этом аспекте. Напомним: речь идет о комплексах социальных связей разного качества, поскольку их члены, в свою очередь, обладают различным по объему и структуре капиталом.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенности соотношения различных ресурсов (в данном случае это квалификационный и социальный) обусловлены не мен-

талитетом и социально-политической традицией, как это утверждает Н.Е. Тихонова, а состоянием экономики и общественного производства в целом. Т.е. речь идет о деградации от высшей и более сложной системы организации к низшей, более простой и архаичной. Как следствие, с одной стороны, упрощение социальной структуры и ее архаизацию, а с другой (ввиду неравномерности процессов деградации) – сохранение высокоорганизованных анклавов наряду с совершенным одичанием в других сферах экономики. Кроме того, это влечет сложность анализа, если, конечно, подходить к нему не с точки зрения сущностных характеристик классов, а с точки зрения совокупности формальных признаков. Причем даже эти формальные признаки определяются методологически некорректно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова, Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. – М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. – 408 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2017

Smirnov V.E. Social-Class Structure Through the Prism of Individualistic Methodology: a Critical Analysis

A critical analysis of the individualistic approach to the study of social structure of the society by the example of the point of view of Russian Sociologist N.E. Tikhonova, dedicated to the analysis of the social and class structure of Russian society is carried out. It is proved that the narrowing down the forming of classes' criteria towards the criteria of getting the qualification, personal, social and other resources, means the transfer of responsibility for the social status of the individual on himself. The author's approach to methodology of study of social-class structure of society is offered.